

Евгений Андреевич Салиас
Фрейлина императрицы

Часть первая

I

Был май месяц 1722 года.

В одном шведском приморском городе господствовало особенное оживление на улицах. Повсюду, и в городе, и в окрестностях его на несколько верст кругом, стояли лагерем русские полки.

Улицы и дома были переполнены военачальниками, офицерами и солдатами. Весь край переживал еще смутные дни после упорной борьбы и долго чередовавшихся походов и сражений.

Город этот, не раз выдавший в стенах своих московских ратников еще со времен могущества Великого Новгорода, был теперь завоеван русскими у шведов. Это был богатый, цветущий порт – Рига.

Но теперь оживляло город не одно присутствие наступавших сюда русских полков, а, главным образом, личное присутствие самого русского императора, о котором гремела уже слава во всех пределах земных.

Давно ли в этой полудикой стране – Московии – хозяйничали как хотели и татары, и немцы, и поляки... Кто только не побеждал этих московцев! Давно ли царствовал в Москве скромный и боязливый царь Алексей, по прозвищу Тишайший, которого почти и знать не хотели повелители других стран. Ныне народился иной царь московский, который своими деяниями и победами как бы завоевал себе новое звание – император.

Станным и даже смешным казалось сначала и курфюрсту, польскому королю, и шведскому, и немецким королям слышать, что эта восточная варварская земля хочет именоваться империей наподобие Священной Римской империи. Но затем, вскоре грохот и блеск оружия этих варваров поневоле заставил ближайших и дальнейших монархов сознаться, что царь московский достоин именоваться – императором всероссийским.

Великий преобразователь, фельдмаршал и плотник, грозный деспот и веселый собеседник, проводил время в Риге так же, как всегда, занятый с восхода солнца и до вечера всякого рода делами и заботами. Вместе с ним сюда же приехала и его жена, уже считаемая первой русской императрицей, а между тем женщина простого и загадочного происхождения, о которой немало толковали в Европе.

Государь проводил весь день вне дома: или, уезжая в порт, подолгу оставался на кораблях, стоявших в заливе, или бывал в окрестностях, среди своих дружин. Государыня сидела почти безвыездно у себя, в небольшом, но красивом домике, который предложил русскому императору один из богатых рижан.

Однажды около полудня к этому дому подъехал верхом в сопровождении двух офицеров военачальник, губернатор Риги князь Репнин, и послал доложить о себе государыне.

Принятый ею, князь через четверть часа уже вышел обратно и приказал одному из сопровождавших его офицеров:

– Ступай в острог, спроси там оную персону. Кого, ты знаешь! И, захватя с собой двух конвоиров, веди сюда... Да веди, братец, строжайше и крепчайше. Ее

допускают к государыне, а ты стань здесь и, когда она выйдет, обратно отведи ее в замок. Промохайся в чем – смотри! Плохо будет!

Офицер двинулся исполнять приказание, а князь Репнин в сопровождении другого офицера направился в противоположную сторону, чтобы присоединиться к числу прочих, к свите самого государя, осматривавшего предместье города и выбиравшего место для постройки цитадели.

Через час после этого к резиденции императорской двое конвойных солдат с ружьями на плечах под командой офицера привели из замка высокую, худощавую женщину лет сорока на вид. Это была простая крестьянка, светло-белокурая, так что седина в голове едва отличалась от белых волос. Худое желтоватое лицо ее обличало изнурение, в нем ясно сказывалась болезненность, вероятно, последствие тюремного житья. Светло-серые глаза беспокойно блуждали, и было заметно и в лице и во всех движениях, что она сильно взволнована и смущена. При малейшем слове конвойных, при встрече с кем-либо и, наконец, в минуту приближения к императорской резиденции, откуда к ним вышли двое гайдуков в кафтанах с позументами, женщина пугалась. Она боязливо взглядывала исподлобья, даже слегка вздрагивала, как бы в постоянном ожидании чего-либо для нее погибельного.

– Ты не робей! Чего робеешь? – раза три сказал ей офицер, видя ее тревогу.

Женщина не отвечала ничего и только раз мотнула головой и пробурчала какие-то слова, но не по-русски.

Конвой остановился у главного крыльца. Гайдуки, вышедшие навстречу, приняли женщину от стражи и повели в горницы. Была минута – и она, испуганно глядя на всех, остановилась, как бы не решаясь двигаться далее и задрожав всем телом, собиралась, по-видимому, оказать сопротивление.

– Не бойсь, не бойсь! Ничего тебе не будет! – ласково и тихо сказал ей офицер.

Женщина украдкой перекрестилась по-католически и, подавив тяжелый вздох, перешагнула порог дома. Ее ввели в небольшую горницу, красиво убранную, с деревянными резными стенами и резным потолком. Это была столовая в стиле средних веков.

Гайдуки тотчас прошли далее и оставили ее одну. Женщина, дико озираясь, ничего, однако, не замечала. Она была слишком встревожена и, казалось, сознательно взглядывала только на двери, которые были перед ней.

Что думала она и чего ждала? Бог весть!

В ее голове мелькали всякие ужасы, мерещился ей даже палач с топором, который вот сейчас выйдет из дверей и отрубит ей голову.

Через несколько мгновений появился старик, по одежде и оружию – военный, а по длинным, седым усам его, которые повисли с лица до самого воротника кафтана, можно было узнать уроженца Украины. Это был типичный малоросс, потомок удалых запорожцев. Серые глаза его под мохнатыми седыми бровями, яркие, так и вспыхивали, как у двадцатилетнего юноши. Он кивнул головой женщине и, подходя, выговорил добродушно:

– Ты ведь по-русски ни слова не знаешь?

Женщина молча замотала головой.

– Что ж, по-латышски, что ли?

– Могу... – вымолвила только женщина.

– Ну так по-польски говоришь? – переменял он язык. – Твой язык польский?

По-польски женщина ответила тотчас и зачастила словами, заверяя прежде всего «пана ясновельможного», что она ни в чем не повинна, что она взята в плен русскими войсками, разорена и томится в остроге, не зная, что приключилось со всей ее семьей.

– Добже, добже, – махнул рукой старик. – Это не мое дело, Ты отвечай мне на вопросы. Ты Христина?

– Я Христина Енрихова, а по отцу Скворощанка. Так зовут люди. А отец звался иначе. Звался он Самуилом Скворотским. Все это правда, ясновельможный пан, я не лгу... Но я не виновата. Я просила только облегчить свое заключение, просила, хоть ради моих детей, помиловать меня и на волю выпустить. Я ничего не прошу другого... А что я говорила в суплике своей, то все правда... Да и она, Марта, сама вспомнит, коли захочет.

– Марта? – вымолвил, восторгнувшись, старик.

– Да, Марта.

– Ну, милая моя... Ты хоть и простая крестьянка, а все-таки, видать, женщина не совсем глупая. Поэтому пойми, что я тебе скажу: ты этак не называй ее величество ни в глаза, ни заглазно. Она для тебя, как и для всего мира, государыня Екатерина Алексеевна.

– Но ведь ее имя от рождения – Марта, – отозвалась Христина. – Я так и называю ее.

– Верю, знаю... Но пойми, что ты должна называть государыню – государыней, а не Мартой. И в беседе с нею, хоть и не прямо, а при моей помощи, все-таки имени этого, Марты, не упоминай! Поняла?

– Поняла, ясновельможный пан.

– Ну вот, сейчас я тебя пред государыней поставлю, и что будет она тебя чрез меня спрашивать, то ты по сущей правде и говори. Если чего, избави Боже, налжешь, то тебе еще хуже будет.

– Зачем мне лгать, я одну сущую правду скажу, что и в суплике говорила.

– Ну, хорошо. Обожди тут минуту да успокойся немного. Чего дрожишь? Ничего худого тебе не сделают. Присядь-ко вот тут да вздохни. Чувства свои постарайся успокоить. А то в этом виде ты ни говорить, ни объясняться не будешь в состоянии. Ну присядь!

Малоросс ласково положил руку на плечо женщины и почти силком усадил ее на деревянный стул.

Двинувшись в другие горницы, старик-воин едва заметно помотал головой и пробурчал себе под нос на своем родном хохлацком наречии:

– Дела, дела... Вон оне, какие дела. Какая диковина на свете бывает!.. А сходствия совсем никакого... Это совсем латышка или голландка, что ли... Со всем белобрысая. С нашей чернобровой царицей ни чуточки сходствия нет.

Проходя чрез пустую горницу, он остановился вдруг:

«А знает ли государь про то, что оную женщину сюда представили и допустили к государыне. Если он не знает да вдруг, оборотя домой не в урочный час, найдет ее тут... Тогда и мне несдобровать!»

Постояв мгновенье, старик вздохнул и двинулся далее, бурча себе под нос:

– Что ж тут раздумывать? Хоть и не виноват, а дубинки отведаешь! Да и все отведают ее. Начать с князя Репнина. А на миру и дубинка легка, как смерть красна!..

Военный, вышедший к Христине и отправившийся доложить государыне о приводе женщины из замка по ее указу, был уже семидесятипятилетний старик, которому можно бы было дать лет пятьдесят, если б не белые как снег усы и не блестящая, серебряная щетка волос на голове, коротко остриженных, кроме маковки, где виднелся маленький чуб вершка в два.

Эта гладко выстриженная голова с чубом отличала старика от всей свиты царя и царицы. Он один был всегда без парика, как в обыденное время так и в парадные дни. Это была льгота, дарованная старику-хохлу самим царем, за особые услуги, оказанные пред Полтавским боем. После этого памятного дня старик стал полковником, приближенным лицом, в особенности государыни, и уже ни на минуту не покидал ее.

Когда царь отлучался надолго в поход, то всегда неизменно говорил любимцу хохлу:

– Ну, Гребешок, береги Катрю.

Этим именем на малороссийский лад царь называл жену только одному старику-хохлу. Его же собственное прозвище, данное царем, произошло от его фамилии. Хохол носил старинное имя его родной земли: Гребенка.

Полковник по чину, никаким полком не командовал, а был нечто вроде адъютанта или на поручениях у царицы. Екатерина хотя настолько научилась русскому языку, что уже могла вполне свободно владеть им, но все-таки предпочитала, даже в беседе с царем, свой полуродной язык, то есть немецкий. Полковник Гребенка хорошо говорил по-русски, по-польски, по-немецки, по-шведски и даже немного мороковал по-латыни, обучавшись когда-то в юности разным наукам в иезуитском коллегиуме в Галицкой Руси.

Между тем, женщина, назвавшая себя Христиной, глубоко задумалась, усаженная почти насильно на стул добрым паном. Было отчего ей тревожиться, робеть и волноваться.

За последние месяцы она прошла чрез всякого рода мытарства. Внезапно оторванная от родного гнезда, разлученная с мужем и с детьми, она уже давно не видалась с ними и не знала, какая судьба постигла их. Она была взята в плен русскими войсками, прошедшими грозой чрез ее родные места, и в числе других десятков пленных она кой-как добралась до Риги, пешком, впроголодь. Пленных гнали за армией, как стадо баранов. По пути в Ригу исподволь из десятков образовались сотни этих военнопленных. Зачем их отрывали от очагов и родных – было неизвестно и непонятно. Многих парней и пожилых поселян не брали или вскоре отпускали. Других, а в том числе некоторых женщин и детей, гнали вплоть до Риги и здесь разместили по тюрьмам, ямам, подвалам и даже просто на улице, табором, под караулом. Женщину эту, может быть, и не погнали бы сюда с родины, а отпустили бы, но, взятая в плен, она тотчас с перепугу вздумала облегчить, свою участь или даже совсем освободиться от пленения. Она заявила, что желает видеть самого командира войска русского, чтобы сказать ему нечто очень важное о себе.

Князь Репнин допустил к себе женщину-поселянку – полупольку, полулатышку. И она сказала ему это нечто о себе...

И вместо свободы она под строжайшим караулом и под самым бдительным надзором особо приставленного к ней офицера была доставлена пешком в Ригу, а здесь заперта в самую строгую камеру городского тюремного замка. И в томи-

тельном одиночном заключении, ничего не ведая о судьбе семьи своей, высидела она почти два месяца.

Наконец, сегодня ее потребовали внезапно сюда, в этот дом, чтобы поставить пред лицо самой русской царицы.

Что будет после этого свидания? Тюрьма опять? Или кнут? Казнь? Ссылка за тридевять земель? Все может быть. Но что будет – она окончательно не может предвидеть... И бедные дети осиротеют! Да и живы ли они теперь...

Этот командир русских войск, зная, где семья женщины, мог уже давно распорядиться и о них, мог указать их пленение и заточение или угон куда-либо.

Может быть, дети с мужем давно в Россиях! – сотни раз в день вздыхает и бормочет женщина. И ее разуму представляется, что в этих «Россиях» жизнь детей не что иное, как ряд самых страшных мытарств, мук и истязаний.

– Однако ты, любезная, будто омертвела. Ушла в свои мысли... Очнись! Эй!

Вот что услышала наконец женщина над собой и, очнувшись, почувствовала на плече руку, которая ее тормозила. Пред ней стоял тот же седой пан.

– Очнись, Христина. Вставай! Иди за мной... – говорил он ей по-польски, ухмыляясь ласково и добродушно.

Женщина почти бессознательно повиновалась. Она встала, двинулась вслед за паном, прошла двери, потом богатую, но мрачную темно-красную с золотом горницу, затем другие двери и вошла наконец в маленькую угольную горницу с двумя окнами на площадь...

Тут было ярко светло, как-то радостно, весело.

В углу, у открытого окна, на высоком кресле, с золотой скамеечкой под ногами, сидела моложавая на вид женщина. Маленькие ножки в голубых сапожках высунулись из-под короткой атласной юбки, тоже голубой. Белый шелковистый платок окутал ее от полной шеи до талии.

«Ах, какая красавица! А какие сапожки! Какое платье!...» – невольно ахнула мысленно Христина.

Женщина эта, белая и румяная во всю пухлую щеку, чернобровая и черноокая, глядела на нее, широко раскрыв свои блестящие глаза под черными и тонкими бровями. Она улыбнулась. Лицо ее так и засветилось вдруг, будто все оно засмеялось. И губы, и глаза, и вздернутый носик, и черные ниточки-брови – все смеется враз.

Вошедшая смутилась и стала тяжело дышать, но вдруг что-то будто толкнуло ее, будто кто-то приказал... Может быть, это пан приказал ей... Она двинулась еще на шаг, опустилась на колени и бросилась вдруг в ноги красавице. Голова ее повалилась около этой самой золотой скамеечки, где стоят рядом маленькие ножки в голубых сапожках.

Это была сама царица. Христина поняла тотчас. Кто же может быть эта красавица, коли не царица. Не только она сама, ее сапожки, золотая скамеечка под ноги, но и вся горница эта, воздух и свет в этой горнице – все какое-то особенное. От всего повеяло на упавшую в ноги женщину чем-то чего она никогда еще не видала и никогда не ощущала.

Ме сразу пришла крестьянка в себя и не сразу встала на ноги, хотя пан воин давно ее поднимал и что-то говорил ей громко по-польски.

Царица протянула ей руку. Она бережно поцеловала беленькую и хорошо пахнущую ручку.

Затем женщина уставилась дико глазами в лицо сидящей, глядела, все глядела, не сморгнув, и наконец заплакала и стала утирать лицо руками.

Почему она плакала – она сама не сознавала. Но это было хорошее чувство, которое вдруг в ней сказалось.

III

Царица говорила на полупонятном Христине языке, обращаясь к военному пану. Он обернулся к крестьянке и, заговорив снова по-польски, стал ей делать вопросы, а затем, тотчас же обращаясь к царице, очевидно, повторял ей то же.

Он выспросил Хрестину о месте ее жительства, об ее положении, о том, как она попала в Ригу.

Государыня по-немецки приказала полковнику заставить женщину подробно и толково рассказать все, что она знает о родных своих и судьбе всех членов семьи.

– Отца твоего зовут Самуилом Сковоротским? – начал полковник.

– Да. Самойло Сковоротский, или Сковорошанек. Звали и Скавронком.

– Это уже не фамилия, а прозвище... – заметил полковник.

Передав ответ Хрестины государыне, Гребенка прибавил от себя, что скавронек значит по-польски жаворонок. Затем он снова начал свой допрос. Женщина отвечала.

– Отец Самуил, или Самойло, а мать Доротея, по девичеству Ган, давно умерли, когда я была еще очень маленькая. Была у нас в крае какая-то особая болезнь, от которой много народу умерло в одно лето. Говорили, что это болезнь турецкая... Здоровый совсем человек заболел вдруг и в два-три дня чернел весь и умирал. Сначала умерла мать. Отец очень горевал и не давал ее хоронить – с ней, с мертвой, сидел. Но тут же сам заболел и в день помер. Так что их вместе и хоронили.

– Сколько вас детей осталось?

– Пятеро. Три девочки и два мальчика. Я, как старшая, занялась хозяйством.

– Спросите у нее все имена их! – выговорила государыня, когда Гребенка передал ей слова женщины.

– Я, старшая, Крестиной, или Христиной, зовусь; братья именем: старший Карлус, младший Дирих, а сестра средняя, что замужем ныне за хлопом Якимовичем, Анна.

– А третья? Имя третьей? – нетерпеливо и с легким волнением вымолвила государыня.

– Третья, самая младшая, совсем малюткой оставшаяся после родителей, звалась...

Христина запнулась вдруг и глаза ее забегали испуганно. Она не знала, как ей быть, как поступить.

– Ну, как же звали третью девочку? – вымолвила государыня, а затем повторил уже два раза и пан воин.

– Я не знаю... – глухо и робко промолвила Христина.

– Как не знаешь? – воскликнула царица, очевидно взволнованная донельзя.

– Ты же сейчас мне там, в столовой, говорила имя, – сказал Гребенка, – а теперь говоришь – не знаю.

– Да ведь вы приказывали не называть... вот их... – забормотала растерянно

Христина.

– Отвечай прямо на вопрос, – строго произнес полковник. – Как звали твою младшую сестру?... Ну?

– Мартой, – чуть слышно вымолвила женщина, но продолжала храбрее: – Я ее очень любила, когда она осталась сироткой у меня на руках... Но тут приехала тетка наша родная, жившая в Крейцбурге. Она была богатая барыня. Она взяла у меня ее и увезла. И с тех пор мы ее не видали никто.

– Как звали эту тетку твою? – спросил полковник, повторяя вопрос государыни.

– Плохо помню. Погодите... Нет, не могу...

– Василевская? – произнесла государыня, обращаясь прямо к Христине.

– Так. Так... Нет, вспомнила... Веселовская... Она недолго прожила, лет не больше восемь или десять...

– Куда же девалась девочка, твоя сестра? – спросил полковник.

– Ее взял к себе на воспитание лютеранский пастор по фамилии Глюк и обратил в свою веру.

Государыня при этом имени двинулась на своем кресле, глаза ее глянули пристально на Христину, и слезы блеснули на ресницах.

– Правда. Все правда! – выговорила она тихо Гребенке. – Нечего более спрашивать...

– Мы часто справлялись о нашей сестрице, – продолжала Христина рассказ уже сама. – И мы все знали, что с ней делается... Так узнали мы, что однажды в Мариенбурге один солдат, именем Иоган...

– Полковник! Довольно. Велите ей замолчать. Больше ничего не надо! – вымолвила государыня быстро.

Христина наполовину поняла приказание, и, прежде чем Гребенка перевел ей слова царицы, она замолчала сама и потупилась.

Но чрез несколько мгновений государыня снова заговорила, обращаясь к полковнику, а старик снова начал свой Допрос.

– Где же ты теперь живешь?

– Я жила в деревне Кегема, у моего пана шляхтича Вульфеншильда. Муж и родился его холопом, а когда я за Янко замуж вышла, то и сама стала крепостной пана.

– А другие твои где и что делают? Братья и сестры?

– Брат Карлус был на большом тракте Псковском в постоялом дворе, или по-нашему в «ябраушкане», главным приказчиком. Хозяин «виасибас намс», или трактира, очень его любит, доверяет ему, и Карлус большое жалованье имеет: двадцать злотых получает и половина ему от оброка остается.

– Польских злотых? В месяц? Или же двадцать русских золотых, то есть червонцев, в год?

– Ох! Как можно! – воскликнула Христина. – Двадцать злотых – в месяц.

– Десять рублей русских, стало быть.

– Мы, ясновельможный пан, ничего об Россиях не знаем и денег Москалевых никогда не видим. Мы от москалей только разоренье терпели и терпим. Они у нас наши деньги отнимают, а не свои нам дают...

– Карлус и Анна тоже крепостные? – перебил полковник наивную болтовню.

– Да. Разных господ.

– Семейные?

– Карлус семейный. А сестра Анна совсем особо... В других краях. Была в польских Лифляндах, а ныне и не ведаю где. Ее панна злючая и богатая. Она все Михаилу Якимовичева с женой и детьми из одной экономии своей в другую переводит и замучивает работой. Анне хуже, чем нам всем. Не знаю, жива ли она ныне?

– Как зовут эту барыню?

– Ростовская... Вдова. По мужу старостиха... Это староство было большое, людное, богатое. Он важный был пан. Панна и его уходила, в гроб свела.

Полковник все подробно передал государыне.

Екатерина все внимательно выслушала, вздохнула и, потупившись, задумалась глубоко.

Затем, перемолвившись тихо с стариком и помянув раза два имя князя Репнина, государыня встала с своего кресла, достала ларец из комода и, вынув оттуда кошелек с червонцами, отсчитала двадцать штук...

Она подошла к Христине, ласково, но грустно глядя ей в лицо, и сунула ей горсть червонцев в руки.

Христина, от роду не имевшая золотых монет в руках и лишь раза три или четыре в жизни видевшая червонец издали, обомлела, а затем, судорожно сжав монеты в руке, повалилась в ноги царице.

– Отпусти меня на свободу! – по-польски воскликнула она. – Деньги мне не нужны. Мне найти бы мужа и детей... Детей повидать!

– Успокойся! – вымолвил старик. – Это само собой будет. Завтра же ты будешь выпущена из замка на свободу и можешь отправляться домой. Ну, а теперь встань и слушай. Государыня велит тебе сказать, чтобы ты сама и все вы, братья и сестры, ждали и надеялись на перемену в своем состоянии. Будете вы освобождены от тяжелой работы... Когда – сказать мудрено. Потерпите покуда... Но теперь ты повидай братьев и, если можно, повидай и Якимовичевых и всем крепко накажи одно: не болтать о себе. Не пускать в народ соблазн. Никогда о царице не говорить даже промеж себя и даже имени ее не поминать. О тех всех обстоятельствах, кои вы можете знать, ничего никому не сообщать... Марта Сковорошанка, а там Василевская, была на свете, но ныне ее нет. А государыня Екатерина Алексеевна обещает вам, что если вы будете все вести себя тихо, без разглашения о себе в народ всякого вранья, то ничего лихого вам не будет и в будущем ваше житее устроится лучше. А будете беспокойно себя вести, то приключится вам всем, конечно, очень худо. Поняла ты?

Христина поклонилась в ноги царице, поцеловала снова ее душистую ручку и смущенная, красная, в слезах от избытка волнения, неуклюже ступая босыми ногами, вышла из горницы.

Полковник довел ее до крыльца. И снова под конвоем офицера и солдат двинулась Христина по улицам Риги.

Когда они вошли на большой пустырь, с которого открывался свободно вид на порт, Христина увидела вдаль, на самом берегу реки, высокую насыпь вроде кургана. Вокруг этого кургана двигалось более сотни рабочих с тачками и лопатами. Тут, очевидно, были недавно начаты земляные работы.

На самом кургане стояла кучка лиц в кафтанах с позументами, блестящими в лучах солнца.